

Тин Юйшу осознал, что, по-видимому, заставляет окружающих нервничать. Он подошел к стулу для сопровождающих, сел и, взяв с тумбочки книгу, которую не успел дочитать в прошлый раз, раскрыл её.

— Не обращайтесь на меня внимания, занимайтесь своими делами.

Лоу Чжицю наконец пришел в себя и, привычно открыв ноутбук, присел рядом с Тин Цайяном. Вскоре Тин Юйшу услышал, как Лоу Чжицю вполголоса спросил брата:

— Почему ты никогда не говорил мне, что твой старший брат — Бог Дождя?

Тин Цайян ответил так же тихо:

— Ты же не спрашивал...

Лоу Чжицю, взволнованно понизив голос, пробормотал:

— Ты хоть знаешь, ты понимаешь, что я...

Его голос затих, словно он не знал, как выразить свои чувства. Тин Юйшу это было неинтересно, и он вновь сосредоточился на строчках в книге.

Весь остаток дня в палате царила спокойная и уютная атмосфера. Тин Юйшу читал, а со стороны Лоу Чжицю доносился приглушенный, мягкий голос. Казалось, он старался не мешать Тин Юйшу, и если не прислушиваться, то невозможно было разобрать, о чем он говорит. Однако, когда Тин Юйшу изредка поднимал голову, глядя на проплывающие за окном белоснежные облака, он невольно отвлекался на этот голос.

Тин Юйшу редко доводилось слышать такую молодую, лишенную спеси и суеты речь, в которой чувствовалась мягкая сила. Она невольно располагала к себе. Это было похоже на легкий ветерок, согретый солнцем: не обжигающий, теплый и совершенно не давящий.

К закату Лоу Чжицю засобирався домой. Ему нужно было успеть на автобус организации, но он пообещал вернуться завтра. Тин Юйшу немного подумал и с легкой ноткой признательности сказал:

— Я провожу тебя.

К этому моменту Лоу Чжицю уже успокоился и, кажется, начал понимать, как правильно вести себя с кумиром. Он даже спокойно улыбнулся:

— Хорошо, буду только рад.

Тин Юйшу взглянул на него и отметил, что тот немного изменился. Он ожидал, что Лоу Чжицю начнет задавать вопросы о его внезапном исчезновении с соревнований. Темы, которые заводил парень, действительно касались Тин Цайяна, и в остальном он вел себя как самый обычный волонтер. Лоу Чжицю был красноречив и умел создавать комфортную атмосферу. Даже Тин Юйшу, не привыкший к светским беседам, обнаружил, что может вполне

естественно перекинуться парой фраз с этим незнакомцем.

На полпути к лестнице они услышали доносящиеся сверху крики и грохот падающих предметов. Похоже, какой-то мальчик закатил истерику, а взрослые пытались его успокоить. Они невольно взглянули в ту сторону: из-за угла коридора виднелся лишь край медицинской формы, а шаги медсестры были тревожными и беспорядочными.

Неизвестно, намеренно или случайно, но после того, как шум усилился, Лоу Чжицю сделал шаг вперед, встав как раз между лестницей и Тин Юйшу. Тин Юйшу заметил это, перевел взгляд с верхнего этажа на Лоу Чжицю и увидел, что тот с бесстрастным лицом наблюдает за происходящим наверху.

Беспорядок в коридоре стремительно приближался к лестнице.

Вдруг раздался пронзительный детский крик:

— Отпустите меня! Я не хочу быть привязанным! Почему остальным можно гулять, а мне нет? Выпустите меня!

Мальчик лет десяти отчаянно брыкался, а окружавшие его взрослые не знали, как его унять. Он вырвался из толпы, и его голос, полный отчаяния, напоминал плач птенца.

Задыхаясь от возбуждения, ребенок внезапно с силой толкнул стоявшую рядом медицинскую тележку с лекарствами прямо к лестнице. Казалось, она вот-вот полетит вниз. Лоу Чжицю, нахмурившись, бросился вперед. Он подставил плечо под корпус тележки, затем быстро схватился за ручку и, придерживая сбоку, остановил её. Подоспевшие медсестры и санитары помогли удержать груз, но бутылочки со спиртом и перекисью водорода уже начали выпадать. Лоу Чжицю инстинктивно протянул руку, чтобы подхватить их, но оступился на ступеньке.

В этот момент чьи-то руки поддержали его сзади. Тин Юйшу, стоявший за спиной Лоу Чжицю, подхватил его.

— Осторожнее, — раздался холодный, но спокойный голос. Убедившись, что Лоу Чжицю стоит твердо, Тин Юйшу отпустил его.

Лоу Чжицю успел лишь обернуться и поблагодарить, после чего, отвечая на слова признательности персонала, вместе с ними затащил тележку обратно.

А мальчик, толкнувший тележку, стоял у лестницы с мертвенно-бледным лицом. Казалось, он уже жалел о своем импульсивном поступке, но внутри него все еще кипела обида. Он застыл на месте, не зная, что делать. Родственники бросились к нему, проверяя, не ушибся ли он, и, извиняясь перед окружающими, в отчаянии смотрели на ребенка.

Лоу Чжицю слишком часто видел такие взгляды. Он мысленно вздохнул. Из обрывков фраз он понял, что у ребенка проблемы с сердцем. Если обычный ребенок напроказничает, родители могут его отругать, но в таких семьях, как эта, ради ребенка готовы простить что угодно. Что

тут поделаешь? Это безысходность — никто не знает, сколько времени осталось у такого ребенка.

Лоу Чжицю посмотрел на мальчика и произнес:

— Не бойся. Никто тебя не винит. И не из жалости, а потому что все понимают тебя.

Мальчик поднял на него глаза. Его кожа была желтоватой, лицо осунулось, а взгляд был устремлен прямо на Лоу Чжицю. Он был невысоким, и его взгляд упирался как раз в пояс Лоу Чжицю. Глаза ребенка вдруг загорелись, и он с восторгом спросил:

— Ты папа-медведь?

Лоу Чжицю опешил и, опустив взгляд, увидел на поясе пару меховых варежек в виде медвежьих лап. Он вспомнил, что, когда сдавал костюм, прицепил их к поясу, чтобы не потерять, и забыл вернуть. Лоу Чжицю кивнул, снял варежки и, присев на корточки, сказал:

— Да, я папа-медведь.

Мальчик с любовью погладил мех:

— Сегодня все дети в корпусе пошли играть. Медсестра сказала, что мне нельзя. Сказали, что моему телу нельзя много двигаться. — Лоу Чжицю понял, почему ребенок устроил истерику. — Я долго смотрел, как вы играете, я тоже так хотел... — голос ребенка звучал очень подавленно.

Лоу Чжицю улыбнулся и мягко ответил:

— Тогда скажи мне свое имя и номер палаты. Папа-медведь в следующий раз придет поиграть специально с тобой.

Услышав это, мальчик радостно вскрикнул. Он не ожидал, что любимый анимационный персонаж станет его личным гостем.

— Правда? Меня зовут Няньцю, Нянь — как Новый год, Цю — как осень. Моя палата 2309, это по коридору, вторая комната с конца, — он указал направление. — Не обмани меня, ты правда придешь!

Голос Лоу Чжицю стал чуть бодрее:

— Не обману. Папа-медведь — самый надежный папа-медведь.

Он произнес фразу из мультфильма грубым, низким голосом, рассмешив ребенка.

— Какое совпадение, в имени папы-медведя тоже есть иероглиф Цю. Мы с тобой связаны судьбой.

Он указал на варежки в руках Няньцю:

— Если нравятся, забирай их себе.

Няньцю радостно закивал.

Лоу Чжицю добавил:

— Сяо Цю, есть вещи, которые мы не можем изменить, верно? Реальность такова, и мы не властны над этим. Но все, кто здесь стоит, делают всё возможное, чтобы стало лучше. — Он избегал упоминания болезни сердца. — Ты тоже старайся делать все, что в твоих силах. Быть героем — значит делать лучшее из того, что тебе подвластно. Сейчас ты маленький герой, а когда вырастешь, станешь большим. Если трудности как гора, которую не перелезть, попробуй обойти её.

Успокоив Няньцю и попрощавшись с его семьей, Лоу Чжицю поспешил вниз к Тин Юйшу, мысленно сделав пометку отправить в фонд еще один набор игрушек.

Тин Юйшу спокойно наблюдал за его поспешным спуском, не зная, о чем думать.

— Извини, что заставил ждать. Пойдем, — виновато сказал Лоу Чжицю.

Он уже было двинулся дальше, но заметил, что Тин Юйшу стоит на ступеньках и не двигается.

— Что случилось?

Тин Юйшу молчал пару секунд, собираясь ответить. Лоу Чжицю вдруг что-то понял, его лицо изменилось, а голос дрогнул:

— Ты подвернул ногу?

Тин Юйшу кивнул. Когда Лоу Чжицю поскользнулся, он не успел среагировать и инстинктивно подставил плечо, не ожидая, что Лоу Чжицю окажется тяжелее, чем казался. Он не был готов к нагрузке и неудачно подвернул ногу, теперь каждое движение отдавалось острой болью. Тин Юйшу хотел сказать, что не сможет проводить его и пусть он идет один, но Лоу Чжицю уже поднялся на ступеньку выше и решительно заявил:

— Сначала в процедурный кабинет, он здесь внизу.

Тин Юйшу хотел отказаться — он не привык к такой заботе и близости. Лоу Чжицю, словно прочитав его мысли, затараторил:

— Выход — дело серьезное, если запустить, будет сложно передвигаться. К тому же ты пострадал из-за меня, так что я отвечаю за тебя. Иначе совесть будет мучить меня по ночам, и я не смогу спать.

Аргумент был веским: у Тин Юйшу действительно были дела, которые нельзя откладывать. Увидев, что Тин Юйшу кивнул, Лоу Чжицю облегченно выдохнул и ловко присел перед ним спиной:

— Залезай, я донесу.

Тин Юйшу: «...»

В итоге, по настоянию Тин Юйшу, Лоу Чжицю просто поддержал его под руку, и они без особых проблем добрались до кабинета.

Лоу Чжицю усадил Тин Юйшу на кушетку и потянулся к его голени. Тин Юйшу, обычно невозмутимый, был шокирован. Он не любил близких контактов, а с Лоу Чжицю они были едва знакомы. То, что тот поддерживал его всю дорогу, уже было пределом его терпения. Он отдернул ногу, и на его лице, обычно напоминавшем застывшую луну в воде, наконец промелькнули эмоции:

— Не надо. Принеси мазь, я сам справлюсь. Спасибо, что довел.

Лоу Чжицю впервые услышал от Тин Юйшу столько слов подряд. Это показалось ему забавным, но он не хотел запускать травму, поэтому прямо спросил:

— А ты знаешь, какую мазь нужно?

Тин Юйшу замер и сухо ответил:

— Масло красного цветка, Юньнань Байяо или что-то в этом роде.

Лоу Чжицю смотрел на него, сидящего на кушетке и глядящего на него с подозрением и враждебностью. Даже в своей холодности и колючести Тин Юйшу показался ему милым и капризным, словно шипящая маленькая панда. Лоу Чжицю усмехнулся:

— Неправильно. В первый день нельзя использовать разогревающие средства, станет только хуже. Не бойся, я обученный волонтер. Я профессионал, просто считай меня медработником. Доверься мне.

— Сначала я осмотрю повреждение. Будь послушным. — Его голос звучал мягко, как будто он уговаривал ребенка.

Тин Юйшу, которого впервые в жизни так заговаривали, молчал. Он понимал, что спорить бесполезно, и нерешительно протянул правую ногу.

Когда теплые ладони Лоу Чжицю обхватили его голень, пальцы Тин Юйшу, лежавшие на простыне, рефлекторно сжались.

Лоу Чжицю опустил на одно колено, положив ногу Тин Юйшу себе на колено. Мышцы Тин Юйшу были напряжены до предела, и при прикосновении он невольно дернулся.

— Прости, — ледяным тоном бросил Тин Юйшу, хотя извинение звучало неискренне.

— За что ты извиняешься? — Лоу Чжицю нажал на лодыжку, определяя характер травмы. — Здесь больно?

— Нет.

Лоу Чжицю нажал в другом месте.

— А здесь?

— Тоже нет. — На самом деле пальцы Лоу Чжицю вызывали у него щекотку, а лодыжка была невероятно чувствительной. Тин Юйшу пришлось направить всю волю на то, чтобы не лягнуть его.

Лоу Чжицю продолжал нащупывать повреждение, внимательно расспрашивая его. Тин Юйшу смотрел на молодого человека, стоящего перед ним на коленях. С его ракурса были видны лишь четкие линии бровей и переносицы, придающие лицу Лоу Чжицю мужественный и сильный вид, но его голос и движения были невероятно нежными, словно он боялся причинить лишнюю боль.

Убедившись, что ничего серьезного нет, Лоу Чжицю наконец успокоился. Встретившись взглядом с Тин Юйшу, он не сдержал улыбку:

— Не волнуйся, через пару дней будешь бегать.

Тин Юйшу обжегся его полным улыбки взглядом. Он слегка кивнул и наконец вспомнил о благодарности:

— Спасибо... — голос его оборвался, так как он понял, что до сих пор не знает имени этого человека.

Спрашивать сейчас, после всего случившегося, казалось неловким. Он промолчал две секунды, выбрав тактику полного безразличия.

Лоу Чжицю все понял и, лукаво усмехнувшись, решил помочь ему:

— Ты ведь еще не спросил моего имени, Бог Дождя. Моя вина, забыл представиться. Меня зовут Лоу Чжицю: Лоу — как башни и павильоны, Чжицю — как в «познать осень по опавшему листу».

Слово «Чжицю» могло иметь множество смыслов: пронизательность, осознание бренности мира или печаль об уходящем лете. Но в сочетании с фамилией Лоу это звучало как беззаботная отвага и безграничная свобода.

Лоу Чжицю поднялся и, приподняв бровь, пошутил:

— Сиди здесь и не двигайся, я принесу лед.